

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

В.В. Сидорин

Отечественная историография русской философии на рубеже веков: проблемы и перспективы Размышления о книге Алиссы ДеБласио «The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century»

Сидорин Владимир Витальевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

В рецензии анализируется исследование А. ДеБласио «Конец русской философии. Традиция и смена вех на пороге XXI века». Рассматриваются основные тезисы автора: об историко-философской направленности периода так называемого «философского бума» 1990-х гг.; исчерпани «националистического нарратива», ориентированного на поиски сущностных особенностей русской философской традиции; о понимании философии как универсальной, не имеющей национальной и культурной специфики научной дисциплины; о кризисном состоянии консервативного подхода в историографии русской философии. Дается беглый сравнительный анализ критикуемого А. ДеБласио историографического подхода с западными аналогами. Делается вывод о недостаточной в ряде случаев аргументированности позиции автора. Критически оценивается попытка рассмотреть сложную, многогранную и запутанную социально-культурную ситуацию через ряд упрощающих бинарных оппозиций.

Ключевые слова: русская философия, история философии, националистический нарратив, консервативная историография, универсалистская природа философии

Дискуссии о судьбах русской философии и соответствующей историко-философской дисциплины не прекращаются все последние десятилетия, когда периоды относительного затишья сменяются всплесками страстных обсуждений, вновь обнаруживающих остроту проблем и непримиримость позиций. Из недавних примеров можно вспомнить полемику, развернувшуюся в журнале «Вопросы философии» в 2015 г. [Корсаков, Бажанов, Ермичев, Козырев, Маслин, Хоружий, Филатов, 2015, с. 69–107]. Работа специалиста по русской философии, литературе и кино из Дикинсон-Колледжа (Пенсильвания, США) Алиссы ДеБласио вполне вписывается в контекст этих дискуссий. Подключение к ним облегчается для автора тем, что о современном состоянии российского историко-философского сообщества она знает не понаслышке, имея опыт преподавания в Департаменте философии Высшей школы экономики и будучи членом Международного центра изучения русской философии при Институте философии СПбГУ.

А. ДеБласио констатирует наличие двух противоположных подходов к пониманию концепта «русская философия», история формирования которых отсылает к первой половине XX в. – с одной стороны, к историко-философским работам В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, позднего С.Л. Франка и др., с другой стороны – к «Очерку развития русской философии» Г.Г. Шпета. Именно первый историографический подход с его ориентацией на поиск сущностных особенностей русской философии, ее

национальной специфики оказывается целью критического внимания автора. Этому подходу противопоставляется понимание философии как универсальной научной дисциплины, проблематика которой находится вне каких-либо национальных, географических, конфессиональных, культурных различий и особенностей. А. ДеБласио придерживается не новой, впрочем, точки зрения, что в основе первой историографической традиции лежат концепты и ценностные установки романтизма, к влиянию которого она, по сути, сводит и весь так называемый русский мессианизм. С одной стороны, невозможно отрицать существенное влияние идей немецких романтиков на проблематику «Русской идеи», разрабатываемую многими русскими мыслителями XIX–XX вв., с другой стороны, вызывает сомнение попытка редуцировать сложный процесс возникновения и развития этой проблематики к одному источнику, учитывая, например, наличие мессианистических тенденций и в средневековой русской культуре. Именно этот историографический подход – «националистический нарратив», – характеризуемый автором как своеобразная «психологическая установка», имеется в виду в названии книги под «концом русской философии»: по мнению автора, данная традиция понимания русской философии, с энтузиазмом возрожденная в 1990-х гг., пришла в упадок и неизбежно клонится к закату, несмотря на сильнейшее инерционное сопротивление в определенных кругах.

Вторая глава – «Философский бум: 1990-е гг.» – посвящена анализу публикационной активности в многочисленных (вос)созданных философских журналах 1990-х гг. При этом в центре внимания оказывается лежащая, по мнению автора, в основе эпохи «возвращения имен» предпосылка, или допущение, что философская традиция, насильственно прерванная известными историческими событиями, может быть реанимирована после десятилетий «советского перерыва», поскольку в ее основе лежат некие специфические национально-культурные концепты, которые вновь неизбежно дадут о себе знать, как только философское творчество избавится от внешнего идеологического давления: «В сущности, они [сторонники данного подхода] как бы укладывают в спячку свое мировоззрение на время долгой зимы, так что в позднюю перестройку оно может быть возрождено после этого перерыва и миссия возобновится криком «Выйди вон!», как в случае с призывом Христа к Лазарю в одном из наиболее известных пассажей Нового Завета» [DeBlasio, 2014, p. 24]. При этом советский период в рамках этого подхода понимается как некий искусственно созданный, незначительный момент, не приведший в историко-философском отношении к каким-либо значимым результатам, которым, таким образом, можно пренебречь. В основе этого допущения, которое автор называет «after-the-break argument»¹, оказывается, таким образом, противоречие, позволяющее манипулировать пониманием развития культурно-исторического процесса в зависимости от целей интерпретатора: в одном случае (в случае с национально-культурными концептами) история понимается как непрерывный процесс, делающий преемственность не только возможной, но и само собой разумеющейся; в другом случае (в случае трактовки советского периода как искусственно созданного перерыва в развитии традиции), история трактуется как процесс дискретный.

Стоит отметить, что уже здесь А. ДеБласио справедливо указывает – и не раз возвращается к этой теме на страницах своей книги – на необоснованность часто демонстрируемого отношения к советской философии как периода, не имеющего серьезной философской ценности, и упоминает исследования, ставящие под сомнение столь радикальные оценки: работы Д.П. Скэнлана, Э. ван дер Зверде, Н.В. Мотрошиловой, серию о советских философах, выпущенную под эгидой издательства РОССПЭН.

¹ Аллюзия на работу С.С. Хоружего «После перерыва. Пути русской философии», в которой ставились под сомнение как необходимость, так и неизбежность выстраивания нового философского сообщества на основе преемственности с русской религиозно-философской традицией [Хоружий, 1994].

При анализе «философского бума» в центре внимания А. ДеБласио оказываются три журнала – «Начала» (1991–1996 гг.), «Логос» (1991 г. – н. вр.) и «Ступени» (1991–1997, 2000 гг.), которые, по-видимому, с точки зрения автора, достаточно репрезентативны для понимания тенденции эпохи². Проанализировав выпуски указанных журналов за 1991–1993 гг. и установив, в частности, высокое количество публикаций, посвященных русской философии (и историко-философских публикаций вообще), автор приходит к выводу, что в целом эти журналы, большинство из которых перестали существовать к концу 1990-х гг., ограничились работой по просвещению философского сообщества через публикацию ранее недоступных широкой публике текстов как русских философов первой половины XX в., так и современных западных мыслителей, а также статей, комментирующих эти материалы. Вместе с тем А. ДеБласио призывает к объективности и не соглашается с возможной радикальной оценкой этого периода как бесполезного с точки зрения оригинального философского творчества, указывая, во-первых, что данную эпоху невозможно понять и оценить вне контекста неожиданной открытости и оптимизма ранних 1990-х гг., а также не принимая во внимание целый комплекс причин объективного характера, вынудивших журналы уделять особое внимание историко-философским работам. Во-вторых, многие из этих журналов сумели в конце концов найти собственную нишу: так, «Логос» нашел себя как современный журнал феноменологической традиции, а «Ступени» начал уделять особое внимание независимой, андеграундной философской жизни Санкт-Петербурга. В-третьих, этот период позволил, по мнению автора, честно отдать себе отчет в пропасти между языком, методологией и проблематикой российского философского сообщества и академическими стандартами Запада. Осознание этой пропасти послужило для многих, полагает А. ДеБласио, началом ее преодоления.

Важнейшей темой для количественного анализа становится для автора и историография русской философии, пережившая определенный публикационный бум в 2000-х гг., когда одна за другой появлялись вновь написанные или переиздающиеся многочисленные «истории» русской философии. По мнению автора, это наиболее консервативная и противоречивая область современной российской философии. А. ДеБласио оговаривается, что многие эти работы являются учебниками и курсами лекций, что неизбежно подразумевает определенную схематичность и упрощенность изложения, однако, настаивает, что дело не в функциональном назначении этих работ, а в принципе, в подходе, который господствует в историографии русской философии. Главный упрек она адресуется традиции поиска и описания отличительных характеристик русской философии, ставшей «неизменным структурным компонентом жанра философской историографии» еще в первой половине XX века и связанным с творчеством религиозных философов [DeBlasio, 2014, p. 73]. В рамках этого подхода написание истории русской философии выглядит так: фиксируются отличительные характеристики русской философии, а все дальнейшее изложение призвано эти характеристики доказать и проиллюстрировать. Это приводит к тому, что современные истории русской философии как по форме, так и по содержанию в целом тождественны эмигрантской историографии: в большинстве случаев имена, тенденции, даже манера презентации, – все это более или менее предсказуемо. Свои выводы А. ДеБласио подкрепляет количественным анализом конкретных «историй» русской философии, созданных в 2000-х гг., который позволяет установить следующие особенности³.

² В откликах на работу А. ДеБласио уже отмечался весьма странный подход к выбору анализируемой философской периодики: так, она по непонятным основаниям сочла возможным исключить из исследования такие влиятельные философские журналы, как «Вопросы философии» и «Философские науки» [Куслий, 2015, с. 143].

³ Речь идет об «Истории русской философии» М.А. Маслина, «Истории русской религиозной философии» Л.Е. Шапошниковой и А.А. Федорова, «Русской философии» В.В. Сербиненко, «Истории русской философии» И.И. Евлампиева, «Лекциях по истории русской философии: XI – начало XX веков» и «Летописи русской философии: 862–2002» А.Ф. Замалева, «О русской философии» А.В. Соболева.

Во-первых, повышенное внимание к мыслителям XIX в.: автор обращает внимание на тот факт, что, за исключением лишь немногих работ, в анализируемых «историях» XIX века неизменно посвящено больше страниц, чем XX-му – факт любопытный, учитывая, что «русский религиозно-философский ренессанс» как раз обычно относят к первой половине последнего. Во-вторых, игнорирование советской философии, в отношении которой, как правило, можно встретить не более чем дежурные слова. В-третьих, предсказуемый набор имен и фамилий: так, лидерами по объему глав, им посвященных, неизменно оказываются В.С. Соловьев, о. С. Булгаков и Н.А. Бердяев. В-четвертых, расширенное понимание философии, в которую включаются теологи, писатели, поэты, причем Н.В. Гоголю зачастую уделяется больше внимания, чем, скажем, Н.Г. Чернышевскому. Главным пороком современной историографии русской философии оказывается, с точки зрения А. ДеБласио, отсутствие саморефлексии и критицизма по отношению к собственным предпосылкам и допущениям, излишнее увлечение апологетикой русской философии – это некритическое воспроизведение сложившейся в первой половине XX в. историографической традиции русской философии не позволяет, по ее мнению, признать соответствие данных работ современным академическим стандартам историко-философского исследования⁴. Русскую философию, – соглашается А. ДеБласио с широко известным фактом, – действительно, в целом не знают и не понимают за рубежом, относя ее скорее к литературе и мистицизму, чем собственно к философии. В качестве часто упоминающихся причин она называет русский язык как труднопреодолимый барьер, своеобразный «эгоцентризм» интеллектуальной политики Запада. И если с первой указанной причиной все понятно, автор не останавливается хоть сколь-нибудь подробно на второй, хотя было бы как раз чрезвычайно интересно послушать человека, знающего ситуацию изнутри. Однако, – настаивает А. ДеБласио, – изучение российской историографии русской философии позволяет выделить еще одну ключевую причину: «Российская мысль играет маргинальную роль в международном интеллектуальном сообществе, поскольку большинство русских философов продолжают производить продукцию, остающуюся вне стандартов этого сообщества» [DeBlasio, 2014, p. 64]⁵.

Здесь, однако, в работе не хватает вполне логичного и напрашивающегося продолжения темы, а именно, сравнения критикуемого историографического подхода с западными аналогами, тем более, что именно в анализируемый автором период на англоязычном Западе появилось два новых исследования о философии в России в целом. Речь идет об опубликованных в Кембридже «A History of Russian Thought» и «A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason and the Defense of Human Dignity» [A History of Russian Philosophy 1830–1930, 2010; A History of Russian Thought, 2010]. Даже беглый анализ указанных работ позволяет подтвердить, по крайней мере, некоторые из выводов автора, однако обоснованность иных его выводов он ставит под вопрос. Так, в первой работе, посвященной скорее не «чистой философии», а околофилософскому интеллектуальному контексту, обращает на себя внимание то обстоятельство, что довольно значительная ее часть посвящена советскому периоду. Кроме того, в ней есть достаточно подробные главы о нигилистах XIX в., народниках, легальных марксистах, естественнонаучных изысканиях русской

⁴ А. ДеБласио не раз на страницах своей книги упоминает (и явно сочувственно) резкую характеристику Н.С. Плотникова, данную им русской философии, – «философия для внутреннего употребления» [Плотников, 2002, электронный ресурс]. Вообще, в подходе и оценках автора чувствуется, что довольно радикальная точка зрения Н.С. Плотникова, работы которого часто цитируются, оказала на него существенное влияние.

⁵ На страницах книги периодически проявляется своеобразная неоднородность предмета исследования: под прицелом критики автора оказывается (употребляя авторское же разделение) то русская философия, то, скорее, философия в России вообще. При этом в каждом конкретном случае далеко не всегда понятно, во-первых, кого же автор все-таки имеет в виду, а во-вторых, каковы, строго говоря, основания перехода от критики, скажем, историков русской философии к критическим упрекам в адрес российского философского сообщества вообще.

интеллигенции и многое другое, – авторы явно отказываются помещать религиозно ориентированную мысль в центр своего повествования. Что касается второй работы, то она представляет собой попытку дать целостную и оригинальную интерпретацию философской традиции в России, в центре внимания которой оказывается как раз религиозно-философская мысль: авторы пытаются представить ее как развитие своеобразной гуманистической традиции, характеризующейся собственным типом философствования и особым вниманием – в чем усматривается фундаментальное влияние Канта – к проблеме достоинства личности. На рискованность и уязвимость подобного подхода уже было указано [Смит, 2013, с. 170]. Здесь хотелось бы отметить иное. С одной стороны, обе работы как бы подчеркивают своим примером отмеченный А. ДеБласио консерватизм современной историографии русской философии, ориентированной на поиски самобытности, но при этом зачастую не желающей искать новые подходы и слова для ее подтверждения, а также охватывать историю русской философии *во всем многообразии и противоречивости этого явления*. С другой стороны, они показывают, что и на Западе многие исследователи исходят из понимания русской философии как традиции со своей спецификой, в то время как А. ДеБласио на страницах своей книги пытается убедить читателя, что подобный подход – лишь «крепкий пережиток прошлого в эпоху, когда философия в России активно пытается модернизировать, сделать более профессиональными и дерусифицировать многие свои институциональные и образовательные практики» [DeBlasio, 2014, p. 90].

Впрочем, необходимо отметить и противоположный историографический подход, стремящийся не акцентировать специфику русской философии, а, наоборот, вписать ее в контекст мировой философской мысли, показать ее включенность в работу мирового философского разума. Он проявляется, в частности, в вышедшей недавно в Германии (уже в 3-м издании) «Философии XX века». В отличие от распространенной практики выделения русской философии в некую экзотическую область мировой философии и посвящения ей отдельных историко-философских материалов П. Элен, Г. Хэффнер и Ф. Рикен рассматривают ее (в лице отдельных представительей) в контексте мировой философии. Так, творчество Бердяева и Шестова рассматривается в главе, посвященной экзистенциальной философии, наряду с Сартром, Ясперсом, Камю, Блонделем и Вейль; Франку (наряду с Уайтхедом и Блохом) посвящена глава о новой метафизике. А в число выдающихся мыслителей прошедшего века, чьи взгляды излагаются и анализируются в главе «Социальная и политическая философия», наряду с Лукачем, Шмитом, Вебером, Хоркхаймером, Адорно включен и Ленин [Ehlen, Haeffner, Ricken, 2010].

Таким образом, возможны различные подходы и плюрализм имеет (и должен иметь) место, а приведенные примеры показывают, что любой подход – как ориентированный на поиск специфики русской философской мысли, так и, наоборот, подход, подчеркивающий параллелизм в развитии философских идей Запада и России, – при условии творческой и профессиональной разработки, которая предполагает помимо прочего чувство меры, предохраняющее от впадения в разного рода крайности, может принести богатые плоды. По крайней мере, ни о каком «конце истории русской философии» как подхода, ориентированного на «националистический нарратив», речи не идет. Вообще обращают на себя внимание заголовки последних нескольких глав работы А. ДеБласио – «*Конец истории русской философии: 2000-е*», «*Конец русской идеи: Сергей Хоружий и Валерий Подорога*», «*Конец интеллигенции: будущее философа в России*» (курсив – В.С.), – похожие скорее не на названия глав научной монографии, описывающей и анализирующей действительное, а на «ритуальное провозглашение» желаемого.

От анализа состояния историографии русской философии автор переходит к рассмотрению современной философской мысли в России. В частности, рассматривается философское творчество С.С. Хоружего и В.А. Подороги, в подходах которых неожиданно обнаруживается много общего: ключевое внимание к антропологии, пе-

реформатирование с помощью антропологии философской проблематики, исследование проблем границ человеческого опыта, особое внимание к творчеству Ф.М. Достоевского. Анализ их творчества призван не только познакомить западного читателя с идеями С.С. Хоружего и В.А. Подороги, но и проиллюстрировать тезис автора о бесплодности «националистического нарратива» в философии, продемонстрировав, что даже столь несхожие мыслители, работающие в противоположных (религиозной и секулярной соответственно) парадигмах, дистанцируются – каждый по-своему – от русской религиозно-философской традиции прошлого века. Творчество обоих иллюстрирует, по мнению автора, любопытную закономерность: современная самостоятельная философская мысль в России начинается с разрывания связей с концептом «русская философия».

Наибольшее недоумение в работе вызывает постоянно демонстрируемое автором стремление рассмотреть сложную, многогранную и, пожалуй, даже запутанную культурную, историческую и социальную ситуацию через призму неизбежно упрощающих бинарных оппозиций. «Националистическая» и «универсалистская» парадигмы в понимании философии, «религиозное» и «секулярное», «русская философия» и «философия в России», «интеллигенция» и «интеллектуаль», – противостояния по этим линиям, по задумке автора, по-видимому, прекрасно описывают состояние анализируемого сегмента российского историко-философского сообщества (и философского сообщества вообще) и тенденции его развития. Причем в большинстве случаев – за исключением, быть может, дихотомии «религиозное/секулярное» – автор настойчиво проводит идею о дизъюнктивности этих оппозиций. Развитие в таком случае оказывается «маятником», колеблющимся от одного члена дихотомии к другому [DeBlasio, 2014, p. 161]. И именно сейчас, с точки зрения А. ДеБласио, «маятник» качнулся в сторону формирующегося сообщества секулярно настроенных и, наконец, освободившихся от давления концептов позднего романтизма интеллектуалов, которые и будут, мол, определять философию в России. Образ маятника, используемый автором скорее как фигура речи, невольно оказывается очень удачной иллюстрацией односторонности его подхода: достаточно вспомнить, что колебания маятника не могут прекратиться в одной из крайних точек амплитуды, но – лишь в точке равновесия.

Правда, автор не столь уже последователен в отмеченной настойчивости. В первой части, говоря о противостоянии религиозного и секулярного нарратива в русской философии, и в частности, о значительной мифологизации *обоих* подходов, и призывая к самокритике и саморефлексии, А. ДеБласио приводит удачный, с нашей точки зрения, пример противостояния аналитической и континентальной традиций философии. Противостояния, в значительной степени прояснившего предпосылки каждой из сторон и положившего начало процессу взаимного обогащения, основные результаты которого, думается, еще впереди. И трудно не согласиться с автором, что диалектическое столкновение противоположных подходов может стать исходной точкой продуктивного процесса [DeBlasio, 2014, p. 39]. Тем более непонятно, почему, признавая плодотворность диалектического столкновения идей и подходов в одном случае, автор отказывается это делать в другом.

В книге также кратко затронут и ряд существенных проблем – как методологического, так и институционального характера – современного российского философского сообщества в целом: определенное отставание от мировых академических стандартов, частое игнорирование современных подходов к историко-философскому (и философскому вообще) исследованию, низкие рейтинги российских университетов, слабая международная цитируемость российских авторов, старение кадров и т. д. Впрочем, отмечается и медленное исправление ситуации. И на этом пути вновь актуален, с точки зрения А. ДеБласио, известный призыв Н.Я. Грота, который аж дважды цитируется на нескольких заключительных страницах: «Если мы хотим сделать что-нибудь свое, что-нибудь новое и ценное, то должны прежде

понять, усвоить, истолковать или опровергнуть то, что сделано другими» [Грот, 1889, с. хіх-хх]. Необходимость учета и творческого освоения новейших достижений западной философии и западной историко-философской науки невозможно отрицать, однако сравнительно слабая интеграция российских историков русской философии в мировое (читай англоязычное) историко-философское пространство – сложная проблема, генезис которой вряд ли сводим к одной причине, что, по сути, признает и сам автор, выделяя целый комплекс причин, однако по каким-то своим соображениям акцентируя лишь одну из них.

Ситуация доминирования фиксируемой А. ДеБласио историографической традиции, образцы которой были в первую очередь заданы трудами В.В. Зеньковского и Н.О. Лосского, может быть объяснена, на наш взгляд, и тем, что, не считая трудов Н.П. Полторацкого и С.А. Левицкого, развитие данного подхода по очевидным историческим причинам стало возможным лишь в последние два-три десятилетия. И лишь очевидное исчерпание его потенциалов сделает необходимым движение дальше (не тождественное, впрочем, впадению в иную крайность). Можно отметить, что важные сдвиги в этом направлении уже происходят: так, количество публикаций о советской философии или, скажем, о фигурах, не входящих в «канон» так называемого «русского религиозно-философского ренессанса», с каждым годом растет. Однако оценки достижений русской философской мысли, ее актуальности, определение ее судеб, как кажется, зачастую все еще коррелируют с политической (как правило, ярко выраженной либеральной или консервативной) позицией оценивающего. Работа А. ДеБласио, к сожалению, также не свободна от этой тенденции. Однако при всем этом автор в своей безусловно своевременной и актуальной работе затрагивает ряд болезненных проблем современной российской историографии русской философии. В конце концов, сам факт, что подобное исследование, подытоживающее развитие истории русской философии в течение последних двух десятилетий, появилось не у нас, а на Западе, вполне может служить лишним подтверждением некоторых его выводов.

Список литературы

- Грот, 1889 – Грот Н.Я. О задачах журнала // *Вопр. философии и психологии*. 1889. Кн. 1. С. XIX–XX.
- Корсаков, Бажанов, Ермищев, Козырев, Маслин, Хоружий, Филатов, 2015 – Корсаков С.Н., Бажанов В.А., Ермищев А.А., Козырев А.П., Маслин М.А., Хоружий С.С., Филатов В.П. Дискуссия о русской философии // *Вопр. философии*. 2015. № 5. С. 69–107.
- Куслий, 2015 – Куслий П.С. Русская философия в современном социокультурном контексте: взгляд из-за океана // *Филос. науки*. 2015. № 10. С. 140–149.
- Плотников, 2002 – Плотников Н.С. Философия для внутреннего употребления // *Неприкосновенный запас*. 2002. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/plotnjik.html> (дата обращения – 24.01.2016)
- Смит, 2013 – Смит О. К современным дискуссиям о специфике и развитии русской философской традиции // *Соловьевские исследования*. Вып. 1 (37). Иваново, 2013. С. 168–178.
- Хоружий, 1994 – Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. М.: Алетейя, 1994. 448 с.
- DeBlasio, 2014 – DeBlasio Alyssa. *The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century*. Palgrave Macmillan, 2014. 232 p.
- Ehlen, Haeffner, Ricken, 2010 – Ehlen P., Haeffner G., Ricken F. *Philosophie des 20. Jahrhunderts*. Stuttgart: Kohlhammer, 2010. 464 S.
- A History of Russian Philosophy 1830–1930, 2010 – A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason and the Defense of Human Dignity / Eds.: G.M. Hamburg, R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 444 p.
- A History of Russian Thought, 2010 – A History of Russian Thought / Eds.: D. Offord, W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 466 p.

The Domestic Historiography of Russian Philosophy at the Turn of the 21st Century: Problems and Prospects
On A. DeBlasio's «The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century»

Vladimir Sidorin

PhD in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vlavitsidorin@gmail.com.

The review analyzes A. DeBlasio's "The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century" and examines the main theses of the author: the supposed historico-philosophical character of the so-called "philosophical boom" of the 1990-s; the exhaustion of "the nationalist narrative", which was directed to identifying the distinguishing features of Russian philosophy; the universal conception of philosophy as a science without any national and cultural specificity; the crisis of the conservative approach in the historiography of Russian philosophy. The conservative historiographic approach, criticized by A. DeBlasio, is compared with the western histories of Russian philosophy. This analysis allows to conclude that in certain cases the author's argumentation seems to be unconvincing. Critical assessment is also given to the author's attempt to examine the complicated, many-sided and intricate sociocultural situation by means of simplifying binary oppositions.

Keywords: Russian philosophy, history of philosophy, nationalist narrative, conservative historiography, universal conception of philosophy

References

- Grot, N. Ya. O zadachakh zhurnala [On Tasks of the Journal], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1889, no. 1, pp. XIX–XX. (In Russian).
- Khoruzhii, S. S. *Posle pereryva. Puti russkoi filosofii* [After the Break. The Ways of Russian Philosophy]. Moscow: Aleteiya Publ., 1994. 448 p. (In Russian).
- Korsakov, S.N., Bazhanov, V.A., Ermichev, A.A., Kozyrev, A.P., Maslin, M.A., Khoruzhii, S.S., Filatov, V.P. Diskussiia o russkoi filosofii [A Discussion on Russian Philosophy], *Voprosy filosofii*, 2015, no. 5, pp. 69–107. (In Russian).
- Kuslii, P.S. Russkaya filosofiya v sovremennom sotsiokul'turnom kontekste: vzglyad iz-za okeana [Russian Philosophy in the Contemporary Sociocultural Context. A View from across the Ocean], *Filosofskie nauki*, 2015, no. 10, pp. 140–149. (In Russian).
- Plotnikov, N.S. Filosofiya dlya vnutrennego upotrebleniya [Philosophy for the Internal Use], *Neprikosnovennyi zapas*, 2002, no. 2. [<http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/plotnjik.html>, accessed on 13.01.2016]. (In Russian).
- Smith, O. K. sovremennym diskussiyam o spetsifike i razvitiu russkoi filosofskoi traditsii [On the Contemporary Discussions about the Specificity and Development of the Russian Philosophical Tradition], *Solov'evskie issledovaniya*, 2013, no. 1 (37), pp. 168–178. (In Russian).
- A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason and the Defense of Human Dignity*, ed. by G.M. Hamburg, R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 444 p.
- A History of Russian Thought*, ed. by D. Offord, W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 466 p.
- DeBlasio, A. *The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century*. Palgrave Macmillan, 2014. 232 p.
- Ehlen, P., Haeffner, G., Ricken, F. *Philosophie des 20. Jahrhunderts*. Stuttgart: Kohlhammer, 2010. 464 S.